

УДК 82-6 (Эпистолярные произведения. Письма Эпистолярное искусство. Переписка. Письма, написанные не в качестве литературного произведения. Литературные произведения в форме писем)

**«МОЯ ПРАВДА, ПРАВДА ВСЕГО МОЕГО СУЩЕСТВА...»¹:
САМОСОЗНАНИЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ В ПИСЬМАХ К А. ТЕСКОВОЙ**

© 2021 Э.А. Радь, А.С. Акбашева

*Радь Эльза Анисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы,
Филологический факультет*

E-mail: Elza_rad@mail.ru

Акбашева Альмира Сабировна, кандидат педагогических наук

E-mail: Almira_as@mail.ru

Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал
Стерлитамак, Россия

Статья поступила в редакцию 07.04.2021

Объект статьи: письма М. Цветаевой к А. Тесковой (1922 – 1939) как документы личной биографии, пережитых событий, ставшие отражением творческих исканий и обнажающие сокровенную суть поэта. *Предмет статьи:* самосознание и мировосприятие М. Цветаевой в эмигрантский период, максимально репрезентирующие жизнь Души Поэта. Статья посвящается рассмотрению рефлексии в акте письма, углубляющегося одиночества, разрыва с читателем. *Задача* – проанализировать письма М. Цветаевой к А. Тесковой как литературный текст, внутреннее пространство которого объединено трансляцией духовного единства с подругой по переписке, выявить смысловые доминанты. Результаты: рассмотрен один из сложнейших этапов творческой и личной биографии в оценке рефлексии самосознания. Область применения результатов: литературоведение.

Ключевые слова: Письмо, переписка, автобиографический текст, диалог, М. Цветаева, А. Тескова, быт, Бытие, поэт, время, внутренний мир, самосознание, моя правда, одиночество.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-125-135

Введение. В современном литературоведении недостаточно фундаментальных исследований эпистолярного наследия М.И. Цветаевой. Письма М. Цветаевой, несмотря на активную работу с ее поэтическими и прозаическими текстами, остаются практически недостаточно исследованными. Чаще всего письма М. Цветаевой становятся объектом лингвистических исследований [3; 4; 5; 9; 13]. Что же касается литературоведческих аспектов исследования, следует особо отметить монографию, которая представляет анализ эпистолярия М. Цветаевой с определенной литературоведческой точки зрения: Н. Капоче «Поэтика писем Марины Цветаевой» рассматривает эпистолярное наследие в аспекте проблемы анализа форм литературности автобиографических текстов, в частности писем, а вместе с тем и разнообразия самих проявлений литературности в этих текстах [8], т.е. как творческую лабораторию, максимально приближенную к художественным текстам. М. Разумовской в монографии «Марина Цветаева: Миф и действительность» удалось выстроить целостный образ поэта посредством ее писем, исходя из того положения, что «письма являются, наряду с лирикой и прозой, самостоятельной частью литературного наследия Цветаевой» [18]. Переписка

М. Цветаевой с А. Тесковой в монографии А.А. Саакянц «Марина Цветаева. Жизнь и творчество» [19] освещена фрагментарно. Серьезный научный интерес в связи с избранной проблемой представляет работа Н.О. Осиповой «Творчество М.И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века» [17], позволяющая увидеть специфику эпистолярного творчества поэта, в котором действуют законы литературного преобразования действительности, сотворения «своего мира». Отдельные вопросы переписки М. Цветаевой с разными адресатами затрагивает в своих научных изысканиях В.Н. Крылов [11]. В. Лосская, доктор наук, профессор литературы Парижского университета (Сорбонны), в монографии «Песни женщин: Анна Ахматова и Марина Цветаева в зеркале русской поэзии XX века» говорит об истоках поэтической духовности поэта, о признании и непризнании, страдании и одиночестве [14]. Все это позволяет нам говорить об *актуальности данного исследования.*

Методы исследования: целостный анализ писем в свете отражения методологии поэтического мышления предполагает обращение к структурно-семиотическому и биографическому методам исследования.

Результаты исследования. Понимая, что творчество выдающегося поэта и прозаика XX века М.И. Цветаевой «обречено на неисчерпаемость», вдумчивый читатель, о подлинном сотворчестве с которым всегда мечтала М. Цветаева, скажет, что чем больше углубляешься в художественный мир, в мир души и духа поэта, тем острее и тоньше понимаешь, как много тайн и непознанного таит в себе и творчество, и сама личность М. Цветаевой, как каждый раз по-новому вовлекаешься в процесс непрерывного смыслопорождения в триединстве звука-слова-смысла в поэтическом тексте М. Цветаевой [См. подробнее: 1], её прозе, письмах, драматических произведениях.

М.И. Цветаева с ей присущим упорством настаивает на предельной честности человека-поэта, пришедшего в мир, чтобы «не узнавать, а сказать» («Поэты с историей...», 1932 [21, Т. 5, Кн. 2, с. 80]), настаивает на праве *своего* существа выразить *свое* миропонимание, а потому, порой, «намеренно-резко» подчеркивает: *моя* правда, *мой* Пушкин, *мой* стих. Предельная честность, глубинная правда всего ее существа всегда, во всем и со всеми проявляется на протяжении всей её творческой и личной жизни. Неслучайно один из очерков 1932 г. она назвала «Искусство при свете совести». Если и можно говорить о заказе времени поэту Цветаевой, то время само, по убеждению поэта, выбирало именно ее для написания конкретных произведений: заказ времени «у меня оказался приказом совести, вещи вечной» («Поэт и время», 1932 [21, Т. 5, Кн. 2, с. 18]).

По мысли И. Бродского, «...Цветаева-поэт была тождественна Цветаевой-человеку; между словом и делом, между искусством и существованием для неё не стояло ни запятой, ни даже тире: Цветаева ставила там знак равенства. Отсюда следует, что прием переносится в жизнь, что развивается не мастерство, а *душа*, что, в конце концов, это одно и то же. До какого-то момента *стих* выступает в роли наставника *души*; потом – довольно скоро – наоборот» [6, с.105] (курсив – наш).

Такая М. Цветаева с бунтарской невмещаемостью, неструктурностью в утвердившейся системе творчества, ценностей и отношений, с парадоксальным мышлением, отвергающим стереотипы и открывающим новые и неожиданные смыслы в привычном слове и *восстанавливающим* изначальные глубинные в нем смыслы и пласты общечеловеческой культуры, увлекает

собеседника в письме, в стихе в непосредственный диалог, в процесс непрерывного смыслопорождения. М. Цветаева в разные годы в письмах, очерках неоднократно подчеркивала свою главную задачу: *вслушаться – верно услышать и восстанавливать*. Она обращается к потомкам, к будущим читателям: «Моим стихам...настанет свой черед», «Тебе через сто лет» и др. Неудивительно, что эмигрантская критика не просто не жаловала, а категорически отвергала её как поэта и как личность, язык ее мировосприятия, свое мнение-суждение возводя в абсолют. Критика во главе с Г. Адамовичем откровенно признавалась, что язык произведений М. Цветаевой недоступен не только широкому читателю, но и им самим.

В начале XX в. рождалось новое образотворчество, новое поколение поэтов, многообразие ярких творческих индивидуальностей, открыто, дерзко выражающих личностное. И.В. Кудрова замечает: «...экстатическое мировосприятие – вовсе не поза, а просто *другая органика*, имеющая все права на художественное воплощение, – это ему (Адамовичу) так и не пришло в голову» [12, с. 175]. М. Цветаева и не ожидала другой реакции критики на себя и свое творчество. В письме к А. Тесковой 8 июня 1926 г. она с горечью написала: «*Ни одного голоса в защиту*. Я удовлетворена» (курсив – М.Ц.). И чуть раньше 9 мая этого же года: «...*Laisser dire*» (Пусть говорят) [20, с. 32, 31]². В стихотворении 1934 года «Вскрыла жилы...» М. Цветаева сказала весьма определенно о тех, кто не способен воспринимать смысл Слова: «...*мимо / Невмещающих ушей людских неостановимо, / Невосстановимо хлещет стих...*» [21, Т. 2, с. 315]. Диалоги с духовно близкими современниками в письмах – переписке рождали ответно поэтические строки о сущностном для поэта.

Установка на слуховое восприятие жизни, лингвистическая интуиция, отрицание стереотипов, всяческих норм, подавляющих индивидуальность и уникальность личности, свойственные М. Цветаевой, проявились в самом начале ее жизни. Дерзкое самоутверждение поэта было органичным осуществлением ее человеческой природы, ее органики, художественной натуры. М. Цветаева на протяжении всей жизни преодолевает (испытывая внутреннюю потребность и необходимость постоянного *преодоления*):

а) замкнутость времени («мимо времени родилась», «Время! Я тебя миную...»);

б) ограниченность пространства (любое пространство для неё тесно);

в) язык как лингвистическую определенность;

г) национальные границы, раздвигая их и утверждая общечеловеческие ценности во имя единения людей.

Наделенная особым отношением к слову-звуку, М. Цветаева уже в юности осознавала невозможность отречения от *своего пути* – с последующим обретением авторефлексии и с ярко выраженной способностью к самоидентификации. Она утверждает триединство звука – слова – смысла. Слово поэта вбирает в себя не только многоголосие извне, но и многоголосие собственной души. М.В. Ляпон отмечает: «Словотворчество Цветаевой – опыт преодоления деспотизма языка, а также отпечаток рефлексии над феноменом «язык», который Цветаева воспринимает и использует прежде всего как материю смысла, утверждая собственную философию глобальных языковых значений и пренебрегая условностями нормы» [15, с. 9], она «дала новую семантику, которая нуждалась в новой фонетике» [10, с. 430].

В письме к П.П. Сувчинскому летом 1926 года М. Цветаева писала: «Никакого мировоззрения-созерцания. Мир-слушанье, слышанье, ряд отдельных звуков. Может быть, свяжутся. Не здесь» [21, Т. 6. Кн. 1, с. 321] (курсив – М.Ц.). Поэту не единожды приходилось объяснять свое видение и свое понимание творчества в ответ на претензии и непонимание всех окружающих. В актуализации для себя *своего*, главного, сущностного прочитывается настойчивое стремление разграничить внешнее и внутреннее, вечное и сиюминутное. Внешнее пространство, по убеждению М. Цветаевой, разорвано, расколото, тесно, и только пространство внутреннее, вбирающее в себя истинное, подлинное, – целостно.

Драматизм же был в том, что именно от критиков, руководивших журналами, различными изданиями, зависела для М. Цветаевой в эмигрантский период возможность опубликоваться, что усугубляло и без того весьма сложное материальное положение семьи.

Именно переписка как диалог с близкими по душе и духу людьми позволяла М. Цветаевой: а) сохранять звуковое и смысловое «неодиночество»; б) быть понятой адресатом по сути и смыслу творчества и драматичным событиям реальной жизни и отношений. Слово для М. Цветаевой было реальностью самоценной. Одержимость словом и неудержимая стихия слова проявляла себя не только в поэтическом творчестве,

но и в письмах, в которых энергия слова отличается своим высокой степенью проявления.

К жанру письма М. Цветаева обращается по целому ряду причин:

а) любимый вид общения – *переписка*; «Письмо как некий вид потустороннего общения менее совершенно, нежели сон, но законы те же. Ни то, ни другое – не по *заказу*» [21, Т. 6. Кн. 1. с. 225];

б) в письмах реализуется потребность и открывается возможность *вслушиваться* в мир *внутри себя* для открытия в самопостижении себя нового, неожиданного, письмо становится исповедью;

в) будучи уединенным монологом, письмо осуществляет диалог – встречу – на расстоянии, представляет авторскую модель мира;

г) переписка становится источником творческих исканий, включается в поэтическое творчество, сама во многом являясь творческим процессом;

д) письмо как уникальная возможность быть откровенной, предельно искренней со своим адресатом – близким по духу – читателем – «похожим», перейти от быта к Бытию;

е) письма позволяют услышать отклик, сочувствие, соучастие, понимание;

ж) они способствуют возрождению и осуществлению диалога с адресатом, с которым была утрачена духовная связь в эмигрантский период.

Каждое письмо к ее многочисленным адресатам обретало художественный облик и выражало ее миро-слушанье и миропонимание. Мысли и «события» писем получали развитие и звучали в очерках, стихах, поэмах, драматических произведениях. Быт и Бытие, внешнее и внутреннее, реальность и творчество, свое и чужое, поэты и не-поэты в их противостоянии – то, что составляет содержание цветаевских писем: в одних быт «торжествует», отнимая время и силы у творчества, в других – уходит прочь, уступая вдохновению, лирике. Особую значимость письма М. Цветаева выразила не только в самих письмах к духовно близким собеседникам, но и в стихах: «Так писем не ждут, / Так ждут – письма. / Тряпичный лоскут, / Вокруг тесьма... / *И счастье. И это всё...*» (курсив – наш) [21, Т. 2, с. 217]. Примечательно, что и поэму «Новогоднее» (на смерть Р.М. Рильке) М. Цветаева тоже называла «Письмом».

Переписка Цветаевой с чешской писательницей Анной Антоновной Тесковой длилась достаточно долгое время: с ноября 1922 года по июнь 1939 года. Любая *переписка* (пишут друг другу)

включает в себя письма обоих адресатов. Мы же обратимся к письмам Цветаевой, которые ярко представляют характер диалога-сотворчества двух близких по духу людей. По содержанию писем поэта можно воссоздать основу писем чешского друга, ибо мысли, чувства, точка зрения адресата, «чужое слово» живут в структуре цветаевского текста.

М. Цветаева так охарактеризовала свои отношения с Анной Антоновой: «...очаровательное внимание души к телу» (№17, 28 октября 1925 г., с. 28). Осмысляя значимость переписки М. Цветаевой с А. Тесковой, М. Разумовская пишет: «...мудрая чешка, на много лет старше ее, осторожно и благотворно оказывала влияние на жизнь писательницы: она умела подбодрить её, незаметно и тактично помочь. Может быть, письма А. Тесковой, проникнутые участием, материнской заботой и теплотой, особенно способствовали тому, что М. Цветаева, опять и опять, находила силы для преодоления всех трудностей и катастроф; может быть, жизнь Цветаевой не пришла бы к ужасному концу в Елабуге, если бы Анна Тескова была поблизости» [18, с. 181]. Снимем наивность последнего замечания и согласимся с точностью определения характера отношений двух адресатов: «Только с очень большим человеком можно быть самим собой, целым собой, всем собой», – пишет М. Цветаева Саломее Андронниковой-Гальперн в письме от 15 июля 1926 г. [21, Т. 7, Кн. 1, с. 100]. Письмо обретает качества дружеского письма, духовного послания.

Мозаичность структуры, раскованность и свобода, непреднамеренность переходов от одной темы к другой, перебои в развитии темы, недоговоренность, намеки и «домашняя» семантика, – все это, думается, свойственно письмам М. Цветаевой, органично и ее поэтике. В письмах осуществляется разговор-диалог с отсутствующим собеседником. Для поэта – это воображаемый собеседник, созданный по образу и подобию ее мечты, по законам мифа. Сама творит М. Цветаева и сюжет отношений с адресатом своих писем, перед которым исповедуеться и которого приглашает к такой же исповеди, к пониманию своего «Я». Характерно ее признание в письме к А. Тесковой от 30 декабря 1925 г.: «Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес – только преображенная, т.е. в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь *сама по себе* не

нужна» [№20, 30 декабря 1925, с. 30] (курсив – М.Ц.).

Письма поэта к А. Тесковой пронизаны главной цветаевской мыслью, выражающей её мировосприятие в системе антитез: быт и Бытие, тело – душа, внешнее – внутреннее, видеть – слышать, горизонталь – вертикаль. Мыслью о желаниии «уйти в тетрадь», во внутреннее пространство Души, снять тяготеющие ее бытовые проблемы («я люблю вертикаль» (№23, 8 июня 1926 г., с. 32)). Основные в названных письмах темы: одиночество, процесс творчества, отношения с издателями, о современниках, о себе как читателе, о своем читателе, Россия, быт, евразийство и С. Эфрон, Чехия, будущее детей и др.

Письма М. Цветаевой к чешскому другу воссоздают атмосферу семьи, яркую культурно-историческую панораму эпохи, мироощущение поэта в эмигрантский период, обращенность в себя, в оставленную ею Россию, рисуют портреты самых разных людей. Читая эти письма, мы узнаем, каким был дом в Трехпрудном переулке, какие книги и какие люди оставили глубокий след в ее душе навсегда.; только одни эти письма к А. Тесковой наглядно вычерчивают сюжет трагической жизни поэта: от светлого чешского периода – к ситуации, когда «выбора не было», «сейчас уже – судьба» (№ 20, с. 30).

В письме к О.Е. Колбасиной-Черновой от 11 декабря 1924 г. М. Цветаева поделилась первым впечатлением от очного знакомства с А. Тесковой: «Жду визита одной чешки – пожилой и восторженной, которая пригласила меня читать лекцию о чём я хочу в Карловом университете 7 мая 1925 г... Жаль, что она не акушерка!⁵ С деловым (у Достоевского – умным) человеком и поговорить приятно... Если она лирически спросит, чего бы я хотела, я отвечу: «Козы для ребенка и няньки для меня». – Это вместо тридцати царств-то!..» [21, Т. 6, Кн. 2, с. 369]. Речь идет о первом впечатлении о человеке, но оно оказалось тонким и точным, что и определило столь длительную переписку. Ощущение волшебства, сказки, которое возникло у М. Цветаевой при первой встрече с А. Тесковой, никогда не покидало ее при общении с ней. В предпочтении М. Цветаевой не-встречи, нежели встречи, возможно, переписка не была бы столь длительной, но встретились в переписке два духовно близких человека, что весьма существенно.

Переноса методологию поэтического мышления в прозаический текст, М. Цветаева как истинный художник перевоплощает жизнь «все-

зрячими очами своего чувства» и создает свой мир – «мир Души»: «Мне во всем – в каждом человеке и чувстве – тесно, как во всякой комнате, будь то нора или дворец. Я не могу жить, т. е. длиться, не умею жить во днях, каждый день, – всегда живу *вне* себя. Эта болезнь неизлечима и зовется: душа» [21, Т. 6, Кн. 2, с. 380]. Жизнь вне себя – жизнь Души – автономна, событийна, определена системой смысловых доминант.

Письма к Тесковой – важный сегмент внутреннего пространства М. Цветаевой, открывающий глубину ее поэтико-психологического состояния – состояния человека, находящегося «вечно на людях, среди разговоров, неустанно отрываемая от тетради», не любящего жизни как таковой («Страшно не нравится жить» (№20, 30 декабря 1925 г., с. 30)), признающего преображенную жизнь – в искусстве. Внутренне пространство – пространство самосознания, в котором события и факты действительности, сюжетность реального и фикционального миров получают философское осмысление, а образная система писем предстает как поэтическая и также, как и в поэзии, выражает ментальность автора.

Внутренне пространство интересующих нас писем вводит читателя в *пространство географическое* (Чехия – Россия – Франция), *природное* (океан, море, лес, дорога, гора), *пространство творчества, духа*. *Время* предстает как время *бывшее, небывшее, несбыточное*. В письме М. Цветаевой от 1 октября 1925 г. читаем: «... не хочу жалеть *небывшего*, а радостно вспоминать *бывшее...*» (курсив – М.Ц.) (№ 14, с.26). Бывшее, о котором так радостно и светло вспоминается, – Чехия, Прага (страна дорога и тем, что она – место рождения сына Георгия (Мура) Эфрона в 1925 г.). «Как я хочу в Прагу! Сбудется?? Если даже нет, скажите: да! В жизни не хотела назад ни в один город, совсем не хочу в Москву (всюду в России, кроме!), а в Прагу хочу, очевидно пронзенная и замороженная. Я хочу той себя, несчастно-счастливой, – себя – Поэмы Конца и Горы, себя – души без тела всех тех мостов и мест. (NB! Вот и стихи:

*Себя – души без тела
Всех тех мостов и мест,
Где я ждала и пела,
Одна как дух, как шест.
Себя – души без тела
Всех тех мостов и мест...)*» (№15, с. 47-48).

Письмо это написано 12 декабря 1927 г. в Мадоне. Там же М. Цветаева в июне 1931 г. напишет пронзительное, полное горечи, стихотворение «Страна» как развитие и углубление душевного состояния, выраженного в письме к А. Тесковой:

*Можно ли вернуться
В дом, который – скрыт?..
Той, где на монетах –
Молодость моя –
Той России – нету,
– Как и той меня* [21, Т. 2, с. 290-291].

И только будущее сына связывает она с Россией («Нас родина не позовет!») и обращается в «Стихах к сыну» (1932):

*Ни к городу и ни к селу –
Езжай, мой сын, в свою страну, –
В край – всем краям – наоборот! –
Куда назад идти – вперед
Идти, – особенно – тебе,
Руси не видывавшее
Дитя моё..
Езжай, мой сын, домой – вперед –
В свой край, в свой век, в свой час, – от нас –
В Россию... (курсив – М.Ц.)* [21, Т. 2, с. 299].

Эти мысли и настроения рождались в М. Цветаевой в чешский период, навеяны они остротой утраты прежней России, природой и атмосферой в Чехии 20-х гг. и, безусловно, нашли отражение в переписке с А. Тесковой.

Но когда Чехия была оккупирована гитлеровской Германией, М. Цветаева (как и Бунин, например) возлагает большие надежды на Россию: «До последней минуты и в самую последнюю верю – и буду верить – В Россию: в верность её руки. Россия Чехию сожрать не даст». И далее: «Мне сейчас – стыдно жить. А так как в *стыде* жить нельзя... – Верьте в Россию!» (№ 122, 24 сентября 1938 г., с. 141). Глубоко и остро переживая трагические дни «своей страны», «родной страны» Чехии, её «ужасное время», поэт чувствует её «свободным духом, над которым не властны – тела» (№120, 23 мая 1938 г., с. 137), и создает замечательный цикл «Стихи к Чехии», содержание которого многозначно и рождает в читательском сознании множество смыслов.

В письмах к А. Тесковой (как, впрочем, и к другим адресатам) М. Цветаева называет себя пешеходом, который от зрелищ и сборищ устает, предпочитает уединение и ходьбу, не водную стихию, а лес и деревья, и создает «Оду пешему ходу» (1931-1933). В одном из писем (№23, 8 июня 1926 г., с. 32) тому же адресату читаем: «Океан. Сознаю величие, но *не люблю* (никогда не любила моря, только раз, в первый раз – в детстве, под знаком пушкинского: «Прощай, свободная стихия!») <...> Она свободная, а я на ней – связанная. Свобода моря равна только моей несвободе на нем. Что мне с морем делать? Глядеть. Мне этого мало. Плавать? Не люблю горизонтального положения... Я люблю вертикаль:

ходьбу, гору...». С горизонтальным положением на море ассоциируется у М. Цветаевой ее состояние в быту, ибо быт, если ему подчиниться, лишает поэта (да и не только) саморазвития, устремленности к высотам духа, ослабляет в нем дар преображения действительности, без чего нет поэта. М. Цветаева убеждена: «Все поэту во благо, даже однообразие (монастырь), все кроме перегруженности бытом, забивающим голову и душу. Быт мне мозги отшиб!» (№ 72, 31 августа 1931 г., с. 79). Почти в каждом письме – о процессе творчества, его результатах – конкретных художественных текстах, о творческих связях и встречах, о проблеме читателя, контактах с издателями, яркими штрихами рисует М. Цветаева портреты литераторов и издателей, знакомит с содержанием критики. Духовно близкому себе человеку она высказывает свое отношение к процессу работы и ее итогу: «Настоящее вещи – когда она пишется. Дописано – прошло. Самостоятельное существование вещи вне меня – вот цель и итог...» (№ 24, 8 июня 1926, с. 32). Это убеждение рассчитано на отклик читателя, иначе вещь не становится вещью для всех («прохожих – похожих»). Уже в стихотворении 1918 года «Закинув голову и опустив глаза...» прозвучала мысль о самостоятельности написанной вещи, ибо Голос перегоняет биографию: «...А голос голубем покинув грудь, / В червонном куполе обводит круг» [21, Т. 1, Кн. 2, с. 75].

Через многие письма к А. Тесковой проходит сквозная тема: одиночества и разрыва с читателем, и объяснение этого разрыва – своей невместаемостью, а потому вытесняемостью из людского круга. «Все меня выталкивает в Россию, в которую, я ехать не могу. Здесь я не нужна. Там я невозможна» (№ 67, 25 февраля 1931 г., с. 76). Далее это трагическое умонастроение поэта только углубляется. Усугубляется оно и ее одиночеством из-за разлада внутри семьи. «Стихов моих нигде не берут, пишу мало и без всякой надежды, что когда-нибудь увидят свет. Живу как в монастыре или крепости – только без величия того и другого. Так одиноко и подневольно никогда не жила» (№ 87, 26 мая 1934 г., с. 97). Так *одиночество-страдание* формируется в смысловую доминанту творческой системы поэта.

Подчеркивая особую интимность своего письма как откровения послание от 24 сентября 1926 г. М. Цветаева начинает как бы с заголовка – крупными буквами: «ДЛЯ ВАС ОДНОЙ» и далее признается: «...я не люблю его (внешнего), не считаю с ним, не отдаю ему должной важности

и с него ничего не требую. Все, что я люблю, из внешнего становится внутренним, с секунды моей любви перестает быть внешним, и этим опять-таки, хотя бы в обратную сторону, теряет свою «объективную» ценность. Так, например, у меня есть с моря, принесенный приливом или оставленный отливом, окаменелый каштан – талисман. Это – не вещь. Это – знак. Чего? Да хотя бы приливов и отливов». В письме (№83) от 11 декабря 1933 г. мы находим, на наш взгляд, объяснение себя своей природой – происхождением. Воспитанием: «...Точно кто-то меня с детства заколдовал: не любить ничего преходящего, кроме вечно возвращающегося преходящего природы» (с. 92). Неожиданное заявление делает М. Цветаева чуть раньше, в этом же году 7 марта (№ 80): «...И вообще я человек вне-церковный, даже физически: если стою – всегда у входа, т.е. у выхода, чтобы идти дальше» (с. 89) (курсив – М.Ц.). У выхода как входа в решение новых вопросов, в процесс постижения сути, изначально, глубинного, непреходящего, дальнейшего самопостижения.

Еще одной смысловой доминантой в системе эпистолярного наследия, адресованного А. Тесковой, стала *потребность уединения*. Страдая от неизменных обстоятельств житейского неустройства (в одной комнате вынуждены ютиться вчетвером; отсутствие письменного стола), Цветаева сетует на самое страшное: оупление души, на неведомый, медленный, но верный процесс, что снедает поэта в череду будничных дней: «...именно на чувства нужно время, а не на мысль. Мысль – молния, чувство – луч самой дальней звезды. Чувству нужен досуг, оно не живет под страхом... Чувство, очевидно, более требовательно, чем мысль. Либо все, либо ничего. Я своему не могу дать ничего: ни времени, ни тишины, ни уединения: я *всегда* на людях... Чувство требует *силы*... Виновата (виноватых нет) м. б. я сама: меня кроме природы, т. е. души – ничто не трогает, ни общественность, ни техника, ни-ни...» (№35, 12 декабря 1927 г., с. 47).

«Я всегда на людях...»: М. Цветаева всегда подсознательно стремилась быть «на людях» – свойство, очень давно в ней проявившееся, свидетельствующее о внутренней невозможности жизни без людей и интенсивного общения с ними. «Либо все, либо ничего» – требование максимума, абсолюта отношений, особенно в тяжелые моменты, когда возникает острая необходимость полноты понимания, сочувствия и дей-

ствия, полноты человеческой дружбы и любви, чтобы кто-то взял на себя часть ее ноши, жизненных тягот, забыв о своих, потому что только так можно «жить жизни других». При этом, всегда находясь на людях, она была устремлена к уединенности, чтобы творить, дать волю чувству, жить жизнью Души, двигаться дальше.

1 января 1932 г. М. Цветаева отправила А. Тесковой печальное поздравление с грустной «арифметикой»: в этом году исполнилось десять лет, как она уехала за границу, семь лет пребывания во Франции, где, по ее словам, она остыла сердцем, постоянно натываясь на равнодушие: французов, целиком занятых собой, и русских, не понимающих ее стихов. Во Франции, утверждала она, выросла и отошла от нее дочь; больше в жизни ничего нет, кроме нуждающегося в ней на будущие семь или десять лет сына, а дальше – «я уже на земле никому не нужна». На пороге своего сорокалетия она не ставит точку на этих словах, а продолжает фразу: «... м.б. тогда и начнется моя настоящая: одинокая и уединенная жизнь, которая у меня кончилась с *семнадцати лет*» (№76, 1 января 1932 г., с. 82).

В движении «дальше» М. Цветаева, находясь в эмиграции, переходит от лирики к прозе и объясняет в письме к А. Тесковой (№ 82, 24 ноября 1933 г.) причины и смысл этого перехода: а) стихов, которые пишутся «семьями, циклами, вроде воронки и даже водоворота» «нигде не берут» (с. 90), т.е. не печатают; б) до читателя они не доходят. И это при том, что М. Цветаева никогда не переставала писать стихи, о чем она в разные годы пишет А. Тесковой: «...я из стихов не выходила» (№72, 31 августа 1931 г., с. 80). «Пишу стихи – лирические..., был ряд стихов к Пушкину (весь цикл называется «Памятник Пушкину») – Ода пешему ходу – Дом (автопортрет) – сейчас Бузина...». И далее: Но «всё остается в тетради» (№73, 14 сентября 1931 г., с. 80). «Стихи идут настоящим потоком, – читаем в письме от 22 мая 1939 года, – сопровождают меня на всех моих путях, как когда-то ручьи. Есть резкие, есть певучие, – и они сами пишутся» (№132, с.158). Цветаева 24 ноября 1938 г. просит А. Тескову прочесть её стихи о Чехии чешским поэтам, и «вообще своим друзьям – чтобы знали – что есть один бывший чешский гость, который добра – не *забыл*» (№126, с. 146).

Так сложилось, что во Франции издатели стихи Цветаевой «не брали» и не только потому, что малопонятны критикам («...Всякий хочет 1 попроще, 2 повеселее, 3 понаряднее» (№67, 25 февраля 1931 г., с. 74), но чаще по идеологическим и политическим причинам: из-за приветственных

слов в адрес советского поэта В. Маяковского, евразийства С. Эфрона, из-за тематики и т.п.

«...Перекоп (поэму гражданской войны) – никто не берет, правым – лева по форме, левым – права по содержанию...» (Письмо без адреса и даты, осень 1929 г., с. 69).

Более активно печаталась М. Цветаева в Чехии, и это был в творческом плане счастливый период. Она обрела возможность публиковать не отдельные стихи, а целый сборник. В третий день Пасхи 1927 года она в радостном состоянии духа пишет о «неожиданном везении»: вышла в свет её книга «После России»: «...Я в этом названии слышу многое. Во-первых – тут и слышать нечего – простая достоверность: всё – о стихах говорю – написанное после России. Во-вторых – не Россией одной жив человек. В-третьих – Россия во мне, не я в России... В-четвертых: следующая ступень после России – куда? – да почти что в Царство Небесное! А в общем название скромное и точное» (№31, с. 42). Цветаева раскрывает смысл названия сборника, смыслопорождающую функцию слова и взаимоотражения слов в поэтическом тексте. Она сообщает А.Т., что в чешский период ею написаны также «Молодец», «Тезей», «Крысолов», «Поэма Горы», «Поэма Конца» и др. Свобода творчества, возможность напечататься и выйти к своему читателю давали надежду, что ее не забыли как поэта с её правдой, предельной честностью, с её Словом, в котором выразилось её мировосприятие, её парадоксальное мышление. Слово, полагаем, следует рассматривать не только как знак идеи, а как поступок уникальной личности в сложнейшие времена. Испытывая мучительную тоску по Родине, по родным просторам, М. Цветаева жила памятью о России, Москве, детстве и юности, доме в Трехпрудном, страстной мыслью о своем, родном, читателе. Вот почему «Оборот назад» – закон цветаевской жизни (№106, 7 июня 1936 г., с. 120).

Эмиграция сделала поэта прозаиком. Кроме лирической прозы (автобиографической, дневников, очерков, критики, писем) М. Цветаева занимается в 1930-е годы переводами. Она общается Анне Тесковой и другим адресатам о переводах произведений Пушкина на французский: Песни из «Пира во время чумы», «Пророка», «К няне», «Для берегов Отчизны дальней», «К морю», «Заклинание» и др.; о создании прозы «Мой Пушкин» (с утверждением права на *своего* Пушкина, на *свое* прочтение) и цикла «Стихи к Пушкину» (1931), которые в письме от 2 января 1937 г. поэт характеризует как «страшно-резкие, страшно-вольные, ничего общего с канонизиро-

ваным Пушкиным не имеющие, и все имеющие – обратные канону. *Опасные стихи...*» (№111, с. 128) (курсив – М.Ц.). В 30-е годы, когда началось новое осмысление личности и творчества великого классика, вошедшего в сознание М. Цветаевой с детства, ее взгляд открывал неисчерпаемого Пушкина, всегда современного для любой эпохи и любой страны.

В письмах к А. Тесковой М. Цветаева вводит адресата в круг своего чтения, знакомит с новыми для собеседника людьми: поэтами Сонечкой Голидей, Николаем Гронским, Аллой Головиной, Анатолием Штейгером; рисует портреты поэтов-современников (К. Бальмонт, М. Волошин, М. Кузмин, Б. Пастернак и др.). Любопытно и категорично ее отношение и суждение о И. Бунине. М. Цветаева размышляет об истории России, о царской семье, делится воспоминаниями о детстве, об атмосфере в доме в Трехпрудном переулке. Ранее в стихотворении «Рассвет на рельсах» (1922) поэт свою созидательную функцию видит в необходимости восстановления сущего, глубинного.

*... Во всю горизонталь –
Россию восстанавливаю!*

«...Ведь это я – восстанавливаю», – пишет М. Цветаева, вспоминая детство (№ 96, 23 апреля 1935 г., с. 106) как целый мир, и это вечно, непреходяще и потому: чем дальше, тем острее и тоньше эти воспоминания: «... это был *целый мир*, вроде имения, и целый психический мир – не меньше, а м.б. и больше *дома Ростовых*, ибо дом Ростовых плюс еще сто лет. В 1909 году – девочкой – я писала:

*Засыхали в небе изумрудном
Капли звезд – и пели петухи...
Это было в доме старом, в доме – чудном...
Чудный дом, наш дивный дом в Трехпрудном –
Превратившийся теперь в стихи!*

Это я писала, еще будучи в нем, но уже зная, чуя...» (№ 102, 20 января 1936 г., с. 114), предвидя трагические события. Разрушен не только дом («снесли на дрова»), слому подвергся весь прежний мир, память о котором живет в душе поэта. Эти два письма, по существу, восстанавливают историю жизни Марины до отъезда из России, мир ценностей семьи.

В сюжете цветаевских писем А. Тесковой становится очевидной приближающаяся трагическая развязка. Уже в марте 1936 г. М. Цветаева говорит о неотвратимости отъезда-возвращения в Россию: «Живу под тучей – отъезда... Чувствую, что моя жизнь переламывается пополам и

что это её – последний конец. Завтра или через год – я все равно уже не здесь... Кроме того, одна я здесь с Муром пропаду...» (№ 105, 29 марта 1936 г., с. 118). И уже в дни отъезда в июне 1939 г. Марина пишет Тесковой два последних письма: «...Спасибо за ободрение, Вы сразу меня поняли.., но выбора не было: нельзя бросать человека в беде, я с этим родилась, да и Муру в таком городе как Париж – не жизнь, не рост...» (№134, 7 июня 1939 г., с. 160). «...А самый счастливый период моей жизни – это – запомните! – Мокропсы и Вшеноры, и еще – та моя родная гора... Сейчас уже не тяжело, сейчас уже судьба...» (№135, 12 июня 1939 г., с. 161).

Своему чешскому другу Цветаева посвящает небольшой цикл «Деревья» (5.09.1922 – 9.05.1923). То состояние, в котором она пребывала во время работы над циклом, было близко к отношениям с Тесковой. Стихию обновления, духовности Цветаева всегда чувствовала в природе деревьев. Девять стихотворений этого цикла невозможно отнести непременно к пейзажной лирике. Деревья воплощают все стихии одновременно: света, огня, воды, являясь символом высвобождения духа из-под земной оболочки. Деревья – это убежище, тепло, вечная жизнь, они противопоставлены человеческой жизни, в которой ощущается разорванность между небом и землей. А дерево, как и Гора – это низ неба и верх земли, это вертикаль.

«О многом напишу, о чем не могу написать никому», – признается М. Цветаева 2 июля 1935 г. (с. 108). Полное доверие к Анне Тесковой Марина Цветаева объясняет в письме от 27 января 1932 г.: «Мы с Вами люди одной породы, без всякого иносказания: горной. Люди гор. Суровые...» (с. 84). Для поэта ее диалог с чешской писательницей – источник для творчества, для преодоления быта и утверждения Духа, Бытия. И потому все возвращает её в Чехию (№128, 26 декабря 1938 г.). Бесконечно признаваясь в любви к А. Тесковой, благодаря её за добро, поддержку и глубокое понимание души поэта, М. Цветаева пишет: «С Вами мне легко. – Вы не замечаете быта...» (№9, 3 мая 1925 г., с. 24); «Вы из того мира, где только душа весит...» (№14, 1 октября 1925 г., с. 26); «...От всей души хочу Вас, к Вам, быть с Вами. У меня с Вами покой и подъем» (№29, 15 января 1927 г., с. 39); «Моя мечта (пока несбыточная) когда-нибудь приехать к Вам погостить: побыть собой» (№31, Третий день Пасхи 1927 года г., с. 43) и др. В одном из последних писем (31 мая 1939 г.): «...Но где бы я ни была –

всю (оставшуюся) жизнь я буду скучать по Вас, без Вас, которые для меня неразрывны с моим стихотворным потоком» (№133, с. 158).

Перед возвращением на родину 7 июня 1939 года Цветаева признается: «Так, как Вы, меня – никто не любил» (№134, с. 160). Для М. Цветаевой А. Тескова не только духовно и душевно близкий человек, ей было дорого материнское к ней отношение, соучастие во всех перипетиях жизни поэта и её семьи. М. Цветаева так объясняет свое психологическое состояние: «...А главное – росла без матери, т.е. расширялась обо все углы (*угловатость* – всех росших без матери во мне осталась. Но – скорей, внутренняя. – И *сиротство*.) (курсив – М.Ц.) (№106, 7 июня 1936 года, с.120). И всегда Цветаева сама – объект своего исследования. Проявляя предельную честность в самопознании и постижении себя, она четко обозначает значимость самовыражения и причинно-следственные обоснования.

Выводы. Письма как вторичная моделирующая система в художественном обобщении (её проза – это проза поэта) соединяют историю и биографию. Биографическое, историческое, общечеловеческое, бытийное переплетаются, создавая уникальный художественный опыт Цветаевой. Триединство звука – слова – смысла, интонация и тембр Голоса, столкновение противоречий, система оппозиций, отрицание норм, стереотипов, обнажение древних и открытие новых смыслов в привычном слове, невместимость поэта в утверждённый порядок вещей, одиночество – все это звучит и в письмах М. Цветаевой к А. Тесковой, сюжет которых есть сюжет трагической физической и творческой жизни поэта. Выстраивая сюжет отношений с

духовно близким адресатом, М. Цветаева вводит его в пространство географическое, природное, пространство духа. В структуре писем часто употребляемая оппозиция выступает воплощением самосознания, мировосприятия поэта.

Примечания.

1. Приводим мысль М. Цветаевой: «Моя правда, правда всего моего существа: намеренно-резко подчеркнутая, чтобы знал, с кем имеет дело. Ибо правда – моя последняя гордость» [7].
2. Все ссылки на письма к А. Тесковой даются по изданию 1991 года, подготовленному И. Кудровой по изданию З. Матгаузера и В. Морковина (последнему А.А. Тескова завещала письма Цветаевой к ней), которое было осуществлено в Праге в 1969 году в издательстве Academia. Названные письма (их 135) вошли в эти издания с пропусками по вполне понятным политическим и иным причинам. В результате длительной, скрупулезной работы с оригиналом писем исследователям удалось осуществить издание писем Цветаевой без купюр [20]. Здесь и далее письма приводятся по данному изданию с указанием номера письма, даты и страницы – (№22, 23, 9 мая, 8 июня 1926 г., с. 31, 32). Заслуживает особого внимания и работа Л.А. Мнухина, собравшего 138 писем к А. Тесковой [22], и Г.Б. Ванечковой (140 писем) [16].
3. Шутливое сожаление по поводу акушерки связано с ожиданием рождения сына Мура.

1. Акбашева, А. С., Радь, Э. А. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой: «триединство звука, слова, смысла» // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. - 2018. - № 51. – С. 84-95.
2. Акбашева, А. С., Радь, Э. А. «Мы с вами люди одной породы»: Марина Цветаева и Анна Тескова // Акбашева А.С., Радь Э.А. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой. Учебное пособие. – Стерлитамак: СФ БашГУ, 2017. –С.126-134.
3. Ахмадеева, С. А. «Письма М.И. Цветаевой К.Б. Родзевичу: выразительные средства языка как маркеры эмоциональности». Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой. XII Международная научнотематическая конференция. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. – С. 404-418.
4. Ахмадеева, С. А. «Потустороннее общение (Апplikативная метафора в письмах Марины Цветаевой)» // Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений. VIII Международная научнотематическая конференция. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. – С. 314-324.
5. Ахмадеева, С. А. «Слова абсолютной семантики все, всё, всегда, никто, ничто, никогда, нигде в эпистолярном наследии Марины Цветаевой» // На путях к постижению Марины Цветаевой. IX Международная научнотематическая конференция. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2001. – С. 405-422.
6. Бродский, И. Об одном стихотворении // Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. – М., 1997. [Электронный ресурс]. - URL: <http://rsp-souz.ru/stati/filosofiya-tvorchestva/443-iosif-brodskij-ob-odnom-stikhotvorenii.html> (дата обращения: 05.04.2021).
7. Записные книжки №8, 1920-1921 [Электронный ресурс]. - URL: tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva (дата обращения: 30.03.2021).

8. Капоче, Н. Поэтика писем Марины Цветаевой. – Вильнюс: ЕГУ, 2014. – 194 с.
9. Кирьянова, А. П. «Адресант эпистолярия в аспекте языковой оценки: на материале писем М.И. Цветаевой». Дис. ...канд. филол. наук. – Череповец, 2007.
10. Кребель, И. Миф, инициирующий мысль (М. Цветаева) // Кребель И. Мифопоэтика Серебряного века. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 376-431.
11. Крылов, В. Н. Литературно-критическая проза М. Цветаевой: поэтика на фоне традиции / Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. - 2017. - № 47. – С. 132-148.
12. Кудрова, И. Путь комет. В 3 томах. Т.2 После России. – СПб.: Крига; Изд-во С. Ходова, 2007.
13. Курьянович, А. В. «Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой». Дис. ...канд. филол. наук. – Томск, 2001.
14. Лосская, В. Песни женщин: Анна Ахматова и Марина Цветаева в зеркале русской поэзии XX века. – Париж – Москва, 1999. – 320 с.
15. Ляпон, М. В. Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. – М.: Языки русской культуры, 2010. [Электронный ресурс] - URL: <http://ricont.ru/file.a> (дата обращения: 05.04.2021).
16. «Спасибо за добрую память любви...»: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 1922-1939 / Предисл., публик. и примеч. Г.Б. Ванечковой. – М.: Русский путь, 2009.
17. Осипова, Н. О. Творчество М.И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. – Киров: Изд-во Вятск. гос. пед. ун-та, 2000. – 272 с.
18. Разумовская, М. Марина Цветаева. Миф и действительность. – М.: Радуга, 1994.
19. Саакянц, А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак. 1997. – 816 с.
20. Цветаева, М. Письма к Анне Тесковой / Подг. изд., предисл. и коммент. И. Кудровой. – СПб.: Внешторгиздат, 1991.
21. Цветаева, М. Собрание сочинений: В 7 т. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997-1998.
22. Цветаева, М. И. Письма к Анне Тесковой / Предисл. А. Главачека. Сост., подг. текста, коммент. Л.А. Мнухина. – Болшево: Мемориал. Дом-музей М. Цветаевой в Болшево, 2008.

**"MY TRUTH, THE TRUTH OF ALL MY BEING ...":
SELF-CONSCIOUSNESS OF M. TSVETAEVA
IN LETTERS TO A. TESKOVA**

© 2021 E.A. Rad, A.S. Akbasheva
*Elza A. Rad', Doctor of Philology, Professor of the Department
of Russian Language and Literature, Faculty of Philology
E-mail: Elza_rad@mail.ru*
*Almira S. Akbasheva, Candidate of Pedagogical Sciences
E-mail: Almira_as@mail.ru*
Bashkir State University, Sterlitamak branch
Sterlitamak, Russia

The object of the article: letters from M. Tsvetaeva to A. Teskova (1922 - 1939) as documents of his personal biography, past events, which became a reflection of creative searches and reveal the innermost essence of the poet. The subject of the article: M. Tsvetaeva's self-consciousness and world perception in the emigrant period, which represent the life of the Poet's Soul as much as possible. The article is devoted to the consideration of reflection in the act of writing, deepening loneliness, and a break with the reader. The task is to analyze the letters of M. Tsvetaeva to A. Teskovoy as a literary text, the internal space of which is united by the translation of spiritual unity with a pen pal, to identify semantic dominants. Research methodology: a holistic analysis of letters in the light of the reflection of the methodology of poetic thinking involves an appeal to the structural-semiotic and biographical methods of research. Results: autobiographical episodes in the assessment of reflective self-consciousness are considered. Scope of application of the results: literary studies.

Key words: Letter, correspondence, autobiographical text, dialogue, Tsvetaeva, Teskova, life, Being, poet, time, inner world, self-consciousness, my truth, loneliness.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-125-135

1. Akbasheva, A. S., Rad', E. A. «Miro-slushan'ye» Mariny Tsvetayevoy: «triyedinstvo zvuka, slova, smysla» ("Peaceful listening" by Marina Tsvetaeva: "the trinity of sound, word, meaning") // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. - 2018. - № 51. – С. 84-95.

2. Akbasheva, A. S., Rad', E. A. «My s vami lyudi odnoy porody»: Marina Tsvetaeva i Anna Teskova ("We are people of the same breed": Marina Tsvetaeva and Anna Teskova) // Akbasheva A.S., Rad' E.A. «Miro-slushan'ye» Mariny Tsvetaevoy. Uchebnoye posobiye. – Sterlitamak: SF BashGU, 2017. – S.126-134.
3. Akhmadeyeva, S. A. «Pis'ma M.I. Tsvetaevoy K.B. Rodzevichu: vyrazitel'nyye sredstva yazyka kak markery emotsional'nosti». Stikhiya i razum v zhizni i tvorchestve Mariny Tsvetaevoy. XII Mezhdunarodnaya nauchno-tematicheskaya konferentsiya ("Letters from M.I. Tsvetaeva K.B. Rodzevich: Expressive Means of Language as Markers of Emotionality"). Element and reason in the life and work of Marina Tsvetaeva. XII International scientific-thematic conference). – M.: Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy, 2005. – S. 404-418.
4. Akhmadeyeva, S. A. «Potustoronneye obshcheniye (Applikativnaya metafora v pis'makh Mariny Tsvetaevoy)» ("Otherworldly communication (Applicative metaphor in the letters of Marina Tsvetaeva)") // Marina Tsvetaeva: lichnyye i tvorcheskkiye vstrechi, perevody yeye sochineniy. VIII Mezhdunarodnaya nauchno-tematicheskaya konferentsiya. – M.: Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy, 2000. – S. 314-324.
5. Akhmadeyeva, S. A. «Slova absolyutivnoy semantiki vse, vso, vsegda, nikto, nichto, nikogda, nigde v epistolyarnom nasledii Mariny Tsvetaevoy» ("The words of absolute semantics are everything, everything, always, nobody, nothing, never, nowhere in the epistolary heritage of Marina Tsvetaeva") // Na putyakh k postizheniyu Mariny Tsvetaevoy. IX Mezhdunarodnaya nauchno-tematicheskaya konferentsiya. – M.: Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy, 2001. – S. 405-422.
6. Brodskiy, I. Ob odnom stikhotvorenii (About one poem) // Brodskiy o Tsvetaevoy: interv'yu, esse. – M., 1997. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://rsp-souz.ru/stati/filosofiya-tvorchestva/443-iosif-brodskij-ob-odnom-stikhotvorenii.html> (data obrashcheniya: 05.04.2021).
7. Zapisnyye knizhki (Notebooks) №8, 1920-1921 [Elektronnyy resurs]. – URL: tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva (data obrashcheniya: 30.03.2021).
8. Kapoche, N. Poetika pisem Mariny Tsvetaevoy (Poetics of Marina Tsvetaeva's letters). – Vil'nyus: YEGU, 2014. – 194 s.
9. Kir'yanova, A. P. «Adresant epistolyariya v aspekte yazykovoy otsenki: na materiale pisem M.I. Tsvetaevoy» ("The epistolary addressee in the aspect of linguistic assessment: based on the letters of M.I. Tsvetaeva"). Dis. ...kand. filol. nauk. – Cherepovets, 2007.
10. Krebel', I. Mif, initsiiruyushchiy mysl' (M. Tsvetaeva) (The myth that initiates thought (M. Tsvetaeva)) // Krebel' I. Mifopoetika Serebryanogo veka. – SPb.: Aleteyya, 2010. – S. 376-431.
11. Krylov, V. N. Literaturno-kriticheskaya proza M. Tsvetaevoy: poetika na fone traditsii (Tsvetaeva's literary-critical prose: poetics against the background of tradition) / Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. – 2017. – № 47. – S. 132-148.
12. Kudrova, I. Put' komet. V 3 tomakh. T.2 Posle Rossii (The path of comets. In 3 volumes. Vol.2 After Russia). – SPb.: Kruga; Izd-vo S. Khodova, 2007.
13. Kur'yanovich, A. V. «Kommunikativnyye aspekty slova v epistolyarnom diskurse M.I. Tsvetaevoy» ("Communicative aspects of the word in the epistolary discourse of M.I. Tsvetaeva"). Dis. ...kand. filol. nauk. – Tomsk, 2001.
14. Losskaya, V. Pesni zhenshchin: Anna Akhmatova i Marina Tsvetaeva v zerkale russkoy poezii XX veka (Songs of women: Anna Akhmatova and Marina Tsvetaeva in the mirror of Russian poetry of the XX century). – Parizh – Moskva, 1999. – 320 s.
15. Lyapon, M. V. Proza Tsvetaevoy: Opyt rekonstruktsii rechevogo portreta avtora (Prose Tsvetaeva: Experience in the reconstruction of the author's speech portrait). – M.: YAzyki russkoy kul'tury, 2010. [Elektronnyy resurs] – URL: <http://ricont.ru/file.a> (data obrashcheniya: 05.04.2021).
16. «Spasibo za dobruyu pamyat' lyubvi...»: Pis'ma Mariny Tsvetaevoy k Anne Teskovoy. 1922-1939 ("Thank you for the good memory of love ...": Letters from Marina Tsvetaeva to Anna Teskova. 1922-1939) / Predisl., publik. i primech. G.B. Vanechkovoy. – M.: Russkiy put', 2009.
17. Osipova, N. O. Tvorchestvo M.I. Tsvetaevoy v kontekste kul'turnoy mifologii Serebryanogo veka (Creativity of M.I. Tsvetaeva in the context of the cultural mythology of the Silver Age). – Kirov: Izd-vo Vyatsk. gos. ped. un-ta, 2000. – 272 s.
18. Razumovskaya, M. Marina Tsvetaeva. Mif i deystvitel'nost' (Marina Tsvetaeva. Myth and reality). – M.: Raduga, 1994.
19. Saakyants, A. Marina Tsvetaeva. Zhizn' i tvorchestvo (Marina Tsvetaeva. Life and creation). – M.: Ellis Lak. 1997. – 816 s.
20. Tsvetaeva, M. Pis'ma k Anne Teskovoy / Podg. izd., predisl. i komment. I. Kudrovoy (Letters to Anna Teskova / Podg. ed., foreword. and comments. I. Kudrova). – SPb.: Vneshtorgizdat, 1991.
21. Tsvetaeva, M. Sobraniye sochineniy: V 7 t. (Collected works: In 7 volumes). – M.: TERRA; «Knizhnaya lavka – RTR», 1997-1998.
22. Tsvetaeva, M. I. Pis'ma k Anne Teskovoy / Predisl. A. Glavacheka. Sost., podg. teksta, komment. L.A. Mnukhina (Letters to Anna Teskova / Preface. A. Glavacheka. Comp., Prep. text, comments. L.A. Mnukhina). – Bolshevo: Memorial. Dom-muzey M. Tsvetaevoy v Bolshevo, 2008.